

РАССКАЗ

Игнату Борисовичу уже за шестьдесят. Голова у него лысая, и на солнце лоснится, будто маслом смазанная. Густая борода побелела. Лежит он широко на груди ровно, закрывая острые ключицы. Десять лет минуло, как Игнат Борисович пошел на пенсию, расстался с шахтой и поселился в деревне Климовка, откуда старуха была родом. Устновина вот уже пять лет как скончалась.

Похоронил ее на деревенском тихом кладбище под развесистыми березами. Живет Борисович в маленьком доме на берегу реки Быстрихи. Летом река сильно мелеет. На перекатах, где в корытках складках, прильсывая играет она на солнце, особенно много рыбешек—пескарей. Одно такое рыбешек местечко облюбовал себе Игнат Борисович.

Искусство ловить пескарей на быстрине нужно особое. Леска без поплавка, удильщик выбирается тонкое и прямое. Насаживает червяка и бросит верх по течению. Пока крючок сосит, пескарь уже успевает поймать наживку. По слову толком стукнет. На мгновение застынет и жельшь повторного движения. Подсекает—не зевай. Вскинешь удильщик, и у ног затрепещет серый с белым брюшком пескарь.

Иль потому, что Игнату Борисовичу скучно стало одному ночами в пустой комнате, если брать во внимание бессонницу, иль потому что некому сторожить на колхозном сад. День ловит пескаря, а вечером, незалого до захода солнца, идет в сад. Там у небольшого шалаша, на двух задыхающихся рогулятиках висит малость помчатый котелок. В нем-то и варит он уху. Похлебает ее, сбобренную обильно перцем и лучком, да так и останется у огня, поджидая в него по одной—две ветки. Сущишка у шалаша, все в достатке. Днем работает женщины в саду, собирают на дорожках ветки, аль где с дерева срежут потерявшие жизнь сучки, несут к шалашу. Так уж заведено. Никто не смеет нарушить неписаной традиции в колхозном саду.

Иногда к костру приходит пожилая растаявшая женщина—саволов. Она бесшумно работает около двух десятков лет. Она и сеженицы привозила из Новокузнецкого подпольничка, и садила их своими руками.

Пришла она и сегодня. Села. Обхватила красными, крупными руками колени, скрытые серой шерстяной юбкой и, не мигая, стала смотреть за струйками жидкого огня, бегущего по сухим веткам. Лицо ее пушичело, а глаза темнели и делались удивительно мягкими и задумчивыми.

Игнату Борисовичу кажется, что она думает о далеком и хорошем. И это далекое видится ей, наверное, крохотной поляночкой, усыпанной синими незабудками, среди которых она, в светлом платье пожухлая сама на нежную незабудку, часто нагибается и рвет цветы, укладывая их в букет. На лице улыбка. В той улыбке—радость скорой встречи, невисказанная любовь, скрытая в самом затененном тайнике, и счастье.

Вечером она поет на свидание к другу, и от нее будет пахнуть цветами, солнцем и лугом. Может, ей вспоминается дождливый осенний день, а сердце, несмотря на вепогодку, поет песню, у нее свальба. И они вместе, и никто их не разлучит...

...Поигр он муж в последние дни войны, оставив о себе хорошую память. Сыну их, мальчишке с облезлым от солнца носом, Игнат Борисович не раз грозил жидким протом, лоя в саду с кучей таких же сорванцов.

Немало бед с ним было у Марии. Рос он бедовым, озорным. Сейчас вытянулся, попритих. Игнату Борисовичу жаль эту женщину, без времени поседевшую,

Потому он и молчит, как бы подчеркивая свое уважение к ней.

— Люблю сад,—говорит она, не двигаясь.

— Без любви дел хороших не сделаешь,— отвечает старик приглушенным голосом.

— В другой раз полюбюсь лужками, и сады сплошь перед взором встают.

По дороге будто идешь в жару, а листья тебе палаткой накрывают. Яблоня, виноград вдоль дорожки—протрени руку, и на ладони у тебя румяное, сочное яблоко. Ешь добрый человек.

А сейчас растет вдоль дороги поляна горькая, а лучше—заросли доинка. Настороже портится у прожогого. А яблоня хорошо...—И опять умокла Мария. Голову склонила чуть набок, видно, приж-

чется протянуть руку и погладить сединку, успокоить. Но чем? Слов таких не сыскать. Обыденных не надо. Она и без них обойдется на работе при людях замечательно держится. Нередко смеется. Смех Игнат Борисович знает точно, приходит к человеку, победившему свое горе, к человеку сильной воли. Да, удивительно крепок русский человек,—думает старик.—Куча несчастий обрушится на него, горе каменной глыбой на плечи свалится, а он ссутулится слегка, сойдет кулаки, стиснет зубы и выйдет из всех бед победителем. Горд и силен наш человек.

Робко крикнула в стороне одинокая незнакомка ничужка, притихла. На деревьях, среди уже зреющих яблок, отозвалась другая.

свет, лег под ноги вышитой дорожкой, осветил путь женщине, тихо уходящей от костра.

Игнат Борисович долгим взглядом провожает Марию и думает: жаль, что есть в мире одинокие женщины. Ведь могло их и не быть. Весь мир ловит каждую струючку о пометах советского человека в космосе, а там, за морем, снова играют покладные марши, делают мечту о кровавых походах. Вот взять бы да написать заморским правителям, чтобы откинули в сторону черные мысли, испелели бы их, как мы по весне прошлогоднюю листву, силы общие приложили, и — айда на Марс!

Да мало ли дел много хороших и полезных сообразить?... Оно вои, махнуди Юрий с Германиом вокруг всей Земли-матушки и

не, пара луковок «едуших до слез» и рассыпчатая печенка — такой ужин старика на сегодня. Утром завтра—уха. На зорьке она куда аквусей. А сейчас рыбешка распорошена и приурячена солью, лежит в эмалированной миске в шалаше.

Ужин окончен. Ночь тише, крупнее звезды. В душе Игната появляется тревога, верней — легкое чувство вины за чужое одиночество. Оно-то прожил свое. В таком возрасте приважают ко всякой жизни и «ситуации». Порой съедет искривит трубку и затянется, а в груди закопчится эта самая вина, крохотная, далеко спрятанная, не дающая покоя. Будь он в дни войны с тем парнем, встал бы впереди, заслонил бы его от пули, невеста чьей рукой посланной из-за угла, когда вошли в город, в котором родилась большая беда...

Перед зорькой вздремнулось старнику. Притупился спиной к косячку шалаша и растворился в мягкой забывчивой дремоте, сладкой и чуткой. Но сон не долго. Треснула ветка, крикнула птичка. Игнат Борисович на ногах. Постоял немного и пошел по влажным песчаным тропкам, задевая плечами ветки деревьев, листья которых смолки и отбивали мягким лунным блеском.

Горизонт споро светлел, раздвигая объятия. От земли курчавилось испарение, ширилось пение птиц. «Вздулись» в правом углу сада взял высокую ноту, повел уверенно, чувствовалось, с опытом. Но хрип стал делаться слаженней, и заперл рассвету, новому дню, этим деревьям, в каждом листочке которых частица труда Марии и женщины, работающих с ней.

— Да, это хвала труду Марии за красоту, что дает она земле и людям, — мелькнуло в мыслях у старика и он неохотно остановился. В груди сделалось свободнее, и Игнат Борисович обвел просветленным взглядом каждый в отдельности дерево, горящий, прислушался к пению птиц, улавливая одновременно все голоса, улыбаясь широко, счастливо, как могут улыбаться люди, сделавшие значительное открытие.

П. ШМАКОВ.

ЗНАЧИТЕЛЬНОЕ ОТКРЫТИЕ

гло или прислушивается к едва уловимому отзвуку своих слов. — При коммунизме земля вся покроется садом.

Старик поднимает взгляд на женщину. Она говорит, не спуская глаз с костра. Голос ровный, нежный. Так говорят матери о своих детях:

— При коммунизме не будет войн... Горе забудется.

Игнату Борисовичу становится понятным, что горькие мысли нередко приходят в голову этой женщине.

Нет, не забывая за долгие годы утрача. Вспыхнет утро бледным ростком, а в душе тонкая, как осенняя паутинка, повиснет боль. Заботой о сыне, хлопотами по дому, работой утопит ее, спрячет поглубже в завешный тайник. Но в сердце не камень. Солдатская песня военного времени, пожелтевшая связка писем с трудового штампом, фотография—и беззвучные слезы непрощено сбегут по щекам. Память о нем жива, для него каждое дерево, вновь посаженное, каждый цветочек с капелькой росы на лепестках. И горько на душе у старика. Хо-

И заговорила она на своем непонятном языке. Старик хмурится при этой птичьей перекличке. Пичужки крохотные, твари несмышлелые, а парами живут. Тут же человек, как говорят, как природный, а живет одиночеством, не с кем перекусить теплым словечком, пусть иногда и грубоватым, но все же родным.

Темная короткая летняя ночь подкрадлась к говорившим, как добродушная старуха с кляшской-подпирашкой, присела рядом, боком прижалась к тепленькому костру и присмирела. Слово ощущая присутствие чужого, Игнат Борисович и Мария замолчали. Вплотную к ним подступили ночные звуки и шорохи Мария поднялась.

— Поуду. Засиделась. Вовна, верно, спит без задних ног.

В голосе женщины старик улавливает теплоту и желание быстрее пойти к сыну, склониться над ним, поправить сбившуюся простынку, легко, как умеет делать только одни матери, пригладить выгоревший чубик лынящих волос.

Она пошла по дорожке от костра среди деревьев, как по тундре. Из-за деревьев ужал лунный

чертей там никаких не встретили. Наверняка теперь не один десяток от веры откинется. Уж как пить дать. Самая что ни есть наглядная агитация.

Игнат Борисович переводит взгляд с дорожки, по которой прошла Мария, на неровный круглый, осыпанный разужным колючим, на стволы деревьев, что стояли в голубом испарении, и тяжело вздыхает. Со стороны клубя взметнулась песенка, грустная, шущая ответа в чьем-то сердце.

Мы с тобой не дружили, Не встречались по весне.

Но глаз твои большие

Не дают покоя мне.

Молодые девичьи голоса я переборя бална увели душу старого Игната в мир радости и счастья. И он улыбается, приглаживая бороду.

Прутиком выкатил из костра черную подгоревшую картофелину—забыл с разговором и проужин,—перекинул с руки на руку и постучал о ногог. Корочка лопнула, в шесть проступила крупчатая, белая масса, пахнувшая вкусно и заманчиво. Ломать корочку хлеба, сол в спичечной короб-

Это интересно

СИГАРА НА ВОСЕМЬ МЕСЯЦЕВ

В городе Бюнде (ФРГ) есть музей табака. Здесь собрано все, что относится к курению и его истории. Среди экспонатов этого музея хранится самая большая в мире сигара. Длина ее—1,71 метра, толщина—58 сантиметров! Подсчитано, что завятом курильщик сигары-великана хагилно бы больше чем на... восемь месяцев.

„Скульптура“... из картофеля

Думаете, это голова этрусской статуи? Ничего подобного. Это всего лишь большой клубень картофеля. Его обнаружил на своем поле один итальянский крестьянин. Необычный клубень весит 700 граммов, диаметр его—20 сантиметров.

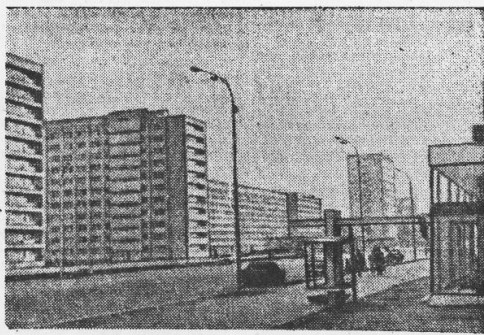
„Сердце“ в чемоданчике

ЛЕНИНГРАД. Искусственное сердце, которое имеют сейчас лишь отдельные крупные клиники, скоро превратится в обязательного спутника каждого врача скорой помощи. Такое «сердце», хранящееся в чемоданчике, создано в Ленинграде группой инженеров и медиков.

Новый аппарат дает медикам возможность бороться за жизнь человека при острой сердечной и легочной недостаточности, шок.

Полодное «сердце» ученые снабдили изолированными искусственными легкими. Вся система подготавливается к операции за несколько минут.

Аппарат работает от аккумулятора, автоматизирован, системы освещения самолета, электрических сетей переменного и постоянного тока. А если нет источника энергии, его можно привести в действие вращением рукоятки. (ТАСС).

НА СНИМКЕ: северо-южная магистраль Бухареста. Фото Аджержпресс—ТАСС.

На месте древнего Заретана

Археологическая экспедиция, возглавляемая д-ром Причардом из Пенсильванского университета (США), провела раскопки у поселка Сангия, в Иордании, примерно в 112 километрах к северу-востоку от Иерусалима. Археологи обнаружили поселения древних жителей, которое, как предполагают, было древним городом Заретан.

На месте поселения найдены остатки 12 одностопных домов, разрушенных в результате огромного

Подобные дома можно найти во многих современных арабских поселениях.

На месте раскопок были найдены остатки древней крепости, много драгоценностей, безделушек, утвари и других предметов житейского обихода. Найденные предметы, говорят археологи, показывают, что жители этого древнего поселения имели высокую культуру и вели торговлю с Кипром, Египтом и другими странами. Археологи обнаружили также